

Потерянный Ван Гог

18+

Алексей Бородкин

Алексей Бородин
Потерянный Ван Гог

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бородкин А. П.

Потерянный Ван Гог / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Марсель – талантливый художник-копиист. Он подделывает работы великих художников. По воле обстоятельств, Марсель становится свидетелем убийства. Он знает убийцу, но не может на него (точнее на неё) заявить в полицию. Почему? Потому, что сам незаконно живёт в доме отца девушки-убийцы. Детектив-перевёртыш, детектив-загадка. Чтобы разобраться – прочтите рассказ. Море позитива и хорошего настроения вам будет обеспечено. Это я обещаю.

Марсель любил зевать. Зевок у него получался замечательный. Одухотворённый. Демонстрировал внутренний мир мужчины (если Марсель не успевал прикрыть рот платком).

Кроме того, Марсель был очень общительным человеком. Любил поболтать, посплетничать. Мама (когда была жива) говорила: "Рот у моего Маци-Маци, словно дверца старого "Фиата". Пока не хлопнешь, как следует, не закроется! И кто учил этих макаронников делать автомобили?"

К сожалению, Марселю досталась профессия одиночки. "Дорога выбрала меня, – рассуждал он после бутылочки сухого, – а я выбрал странствия. Ничего не попишешь. Рок сильнее личности!"

Большую часть времени, Маци-Маци проводил в одиночестве, а потому разговаривал сам с собой. И находил собеседника весьма приятным.

Вот и сейчас Марсель поставил на дорожку чемоданчик, приткнул к стене треногу, вынул набор отмычек и обратился к себе с вопросом:

– Что происходит, Маци-Маци? Куда катится Франция? Зачем хозяин дома установил такой сложный замок? Он что? не доверяет людям?

Отмычка вошла в прорезь, Марсель вставил вороток и чувственно надавил.

– Совершенно очевидно, что страсть буржуа обременять входные шлюзы хитроумными запорами разобщает людей. Мы, французы, деградируем. Перестаём здороваться на улицах, – замок не поддавался, – не узнаём друг друга в метро, – глухо, – не спрашиваем прогноз погоды у соседей...

Замок не шел на компромиссы. Пришлось влить в скважину машинного масла и взять другую отмычку. Прежде чем погрузить её в замок, Марсель оглянулся.

Места были дивные, поэтические. У ворот (через которые Марсель перелез) высилась пара кипарисов. Тропинка к дому живописно заросла травой, вдалеке, около миниатюрного геометрического сада цвела, как полоумная, гортензия. В небе свистала пташка, напоминая божий колокольчик.

Маци-Маци поправил шляпу и вернул своё внимание входной двери.

– И наконец, я могу поцарапать замок! Это непрофессионально и оскорбительно... – он надавил максимально сильно, вороток напружинился, – ...для моего, – на лбу показались капли пота, – самолюбия...

Замок тихонько щёлкнул и открылся.

– Ах, вот и всё, мой милый друг! – Марсель поклонился. – Судя по дорогому английскому механизму, – он поднял чемоданчик, взял треногу, – а также по состоянию сада и дорожек, хозяев здесь не было с прошлого года. Опираясь на размеры дома, делаю вывод, что сигнализация не установлена. Скорее всего, за усадьбой присматривает кто-то из местных. За умеренную мзду. Какой-нибудь Жак или Гильом.

Марсель шагнул внутрь и замер на пороге. То была томительная секунда. С одной стороны, оставалась опасность, что завершит сигнализация и придётся бежать. С другой – дом определённо нравился Марселю: не очень большой, не слишком вычурный, практичный. Домик для летнего отдыха состоятельного одиночки. "Такого, как я".

Из удобств на первом этаже были кожаный диван, телевизор, вытянутый низкий столик, напоминающий мощной столешницей и кривыми ножками японский котацу. У стены фигурировала значительная надстройка... кажется, это бар... "Если я верно трактую задумку хозяйина". Несомненным плюсом был огромный холодильник – его дверца виднелась из-за кухонного шкафа.

Маци-Маци подошел к лестнице на второй этаж и ещё раз осмотрелся (теперь, как бы изнутри). Выдохнул (с наивным облегчением) и начал распаковывать вещи.

Только не подумайте, что Марсель работал домушником. Не оскорбляйте человека подозрением! Естественно бывали случаи, когда Маци-Маци экспроприировал в свою пользу некоторые вещи, принадлежавшие хозяевам. Однако он всякий раз оставлял нечто равноценное взамен. Однажды произошел любопытный случай: Маци-Маци жил в загородной квартире недалеко от Леона, жил долго, около двух месяцев и уже собирался съезжать, когда обнаружил в прикроватной тумбочке семь купюр по сотне евро. Хозяин вложил их под газету, вероятно устроив заначку. Маци-Маци как раз заканчивал картину. Он принял деньги в качестве платы за своё полотно.

Впрочем, своим его можно считать только условно. Марсель был художником-копистом. Кроме того, что он жил в чужих домах, он подделывал чужие полотна.

"Неплохо бы перекусить. Желудок звонит к обеду, словно колокол".

Маци-Маци подошел к холодильнику и включил его в сеть. Опыт подсказывал, что "предикат пищеварительного тракта" пуст. А вот бар...

"Немного виски для поднятия тонуса".

Марсель сделал глоток, оценил качество напитка. Выплеснул остатки в раковину, налил коньяку.

– Судя по напиткам, хозяин дома американец. – Вздохнул: – Не станем осуждать беднягу, у всех свои недостатки. Я странствую по Свету, он держит в доме паршивый виски.

В светлом углу комнаты (задёрнув шторы), Марсель установил мольберт, закрепил на опоре свою последнюю работу. В сущности, картина была уже закончена. "Формально, так и есть, но... чего-то в ней не хватает". Маци-Маци вглядывался в краски, подходил ближе, отходил и... не понимал. Точнее сказать, понимал, что чего-то не достаёт, но не ухватывал чего именно.

"Ах, вечная любовь, безумный крик сердец..."

В кладовой комнате нашелся запас съестного. Марсель несколько даже оробел перед строем консервных банок от пола до потолка. "Хозяин явно готовился к третьей мировой, и рассчитывал пережить Армагеддон с помощью рыбных консервов".

Вывалив пару баночек в миску и вспомнив (с лёгким сарказмом) о кошачьем корме, Марсель выбрался на воздух. Усадьба ему всё больше нравилась. За геометрически-кастрированным садом присутствовал фонтан. Его забросили (если можно так сказать) и превратили в небольшой, живописный... водоём (без признаков золотых карпов). Неподалёку стояла скамейка, навес, удобный настил под черепичной крышей и миниатюрный стол. "Здесь удобно работать в дождь", – решил Марсель. Чуть дальше располагался сарай-гараж (судя по широким воротам и колеям).

Марсель обходил "свои" владения, не торопясь тыкал вилкой в тунцовые кусочки. Посторонних глаз он не опасался – усадьбу окружал глухой зелёный забор.

"О, вечная любовь, верны мы были ей!" – песенка Мирей Матьё прицепилась, словно репей к бродячей собаке. В поезде её слушал кучерявый попутчик с носом еврея и прыщами подростка. На станции эстафету подхватил работник в железнодорожной униформе. "Должно быть, передавали по радио".

Назавтра предстоял выход в город. Контакт с местными жителями. Марсель отыскал в сарае велосипед – "Он непременно должен быть!" – проверил перед зеркалом "оружие" – несколько раз очаровательно улыбнулся: "Пардон, месье! Рад вас видеть, мадам! Вы сегодня благоухаете, как ветка левкой. У вас замечательный мальчик! Сколько ему? Пять? Нет? А сколько? Двадцать два? О-о-о-чаровательный малыш!"

От первого контакта многое зависело. Бывали случаи, когда Марсель приходилось покидать отличные пристанища из-за неуживчивости соседей.

На велосипеде до Сан-Реми – минут сорок. Если не торопиться. Маци-Маци проснулся с первыми петухами, умылся, переоделся (в шкафу нашлась неплохая хлопковая рубашка фиолетового тона: "Гелиотроп", – определил, намётанным взглядом. Хотел надеть бант, но ограничился шейным платком: "Не станем фраппировать без нужды провинциальную публику".

У калитки произошел инцидент. Лишь только Маци-Маци вывел велосипед и закрыл замок, в конце улицы образовалась бойкая бабёнка канареечного цвета.

– Мосье, Франсуа! – окликнула мадам и помахала рукой.

Марсель резко развернулся и втянул голову в плечи. Сердце тревожно заколотилось.

– Мосье, Франсуа! – канареечная дама прибавила громкости.

Она приближалась.

"Бежать? – мелькнула мысль. – Или притвориться глухонемым?"

Иногда этот трюк выручал.

Не пригодилось ни первое, ни второе. Мадам подошла, положила руку на плечо:

– Ну, что же вы молчите, мосье Франсуа? Я вам кричу, кричу.

Марсель повернулся. На его губах блуждала конфузливая улыбка. Женщина всплеснула руками:

– Ах, вы не Франсуа!

Вблизи её платье не казалось столь угрожающим. Шелковая "разлетайка" в стиле "прованс". Охристый тон, лимонные попугаи.

– Мне жаль разочаровывать вас, мадемуазель, но я, действительно, не Франсуа. Сочувствую.

Прованская канарейка рассмеялась, сказала, что она давно не мадемуазель, а полновесная мадам, пятидесятого размера.

– Мадам, Арбогаст, если угодно. А вы кто?

Марсель загадочно поднял брови и напустил на лицо туману (умению состроить "мину" его научили коллеги по Понтуазу, в этом арестантском доме Марсель провёл четыре месяца).

Подумал: "Вот она провинциальная непосредственность. Никаких тебе излишних политесов и куртуазностей. Прямо в лоб: вы кто, мсье?"

– Меня зовут Марсель. Я двоюродный племянник хозяина дома.

Маци-Маци произнёс это таким высокомерным тоном, что мадам Арбогаст прыснула в ладонь, и скопировала (уперев палец в грудь):

– Я – племянник. Ха-ха.

Марсель тоже рассмеялся. Забавно у неё получилось.

Мадам Арбогаст имела ряд несомненных женских преимуществ. Весёлый нрав, смешливость, исчерпывающий зад и высокую грудь третьего размера...

Про такие задницы мама говорила (когда была жива): "Такая жопа не для танцев, Маци-Маци. Такая жопа для жизни".

...Кроме того, мадам Арбогаст украшали шикарные волосы, горящие глаза и болтливость, сравнимая с ниагарским водопадом. Канарейка сообщила, что её зовут Марцелина: "можете так ко мне обращаться", что она живёт в конце улицы у оврага, что старик Франсуа смотрит за домом: "ему около семидесяти, но глаз на женщин ещё горит", что они собирались вместе поехать в Арль, "в четверг". Цены на помидоры в этом году отвратительны, а корова мадам Таффанель отелилась этой ночью очаровательной тёлочкой в тридцать пять килограммов.

– Только не признавайтесь, что это я вам рассказала. Мадам Таффанель так носится со своей коровой, что, несомненно, предпочтёт поведать лично. Договорились?

Марсель (несколько обескураженный словестным потоком) пообещал молчать, как рыба.
– Я, правда, не ухватил, что именно я должен хранить в секрете. И от кого? От новорожденной? Что она принадлежит мадам... Трюфель... шампань?

Марцелина опять рассмеялась.

– Вы так и не сказали, как вас зовут, – напомнила.

– Разве?

Мази-Мази катил велосипед вдоль улицы. Марцелина шла рядом. Солнце поднялось над деревьями; художник плескался в лучах женских глаз.

– Меня зовут Марсель, – повторил имя. И тут же соврал: – Марсель Пруст.

Женщина моментально остановилась и уверила, что фамилия ей знакома:

– Это не вы ремонтировали крышу у мсье Тома в прошлом году? В Авиньоне?

– Не имел такой чести, – огорчился Марсель. – Но, при случае, обязательно влезу на крышу мсье Тома.

– Зачем? – не поняла Марцелина.

– Проверю черепицу!

Оба дружно рассмеялись.

Через пятнадцать минут прогулки Марсель знал все городские (и не только) сплетни. Выяснил, что усадьба принадлежит Пьеру де Берлатье. Он француз, но живёт в Америке. Закладывает за воротник, как старая лошадь, но держится просто.

– Когда-то его семье принадлежали все виноградники в округе. Но теперь он обеднел и уехал в Америку. Служит экспертом по винам в какой-то крупной компании.

– О!

– Звучит помпезно, но вы же понимаете, что американцы не смыслят в вине.

За домом присматривает старик Франсуа (удалённый родственник). Он живёт в Сан-Реми.

– Целыми днями просиживает в бистро. Помогает, если что-то потребуется. По-французски говорит плохо. Лопочет на языке басков. Щупает женщин. Не поворачивайтесь к нему спиной, а то он и вас пощупает.

– Зачем?

– Старик плохо видит.

У отворота на трассу Марсель и Марцелина распрощались. Художник поцеловал даме руку и вскочил на велосипед. Предстояла встреча с Франсуа.

Со стариком всё устроилось легко и быстро. Марсель обнаружил его в кафешке (как и обещала Марцелина). Представился родственником, соврал, что носит фамилию Пруст и предложил позвонить дядюшке Пьеру, чтобы убедиться в полномочиях: "Вы же знаете, сколько теперь развелось мошенников".

Марсель набрал номер своего парижского друга, поприветствовал его, как Пьера де Берлатье и передал трубку старику-смотрителю. Через пару минут, Франсуа был убеждён, что перед ним присутствует племянник его работодателя.

Франсуа вернул телефон и молвил, философски глядя в пространство:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.